

Сэн точно не знал, когда это произошло. Но в какой-то момент на третьем дне пути из города они перешли из леса на гору. Дело было не в том, что деревьев стало меньше. Большая территория нижней части горы по-прежнему была покрыта лесом. Скорее, переход был от относительно ровной местности, по которой Сэн мог бежать, к относительно крутым склонам, по которым Сэну приходилось либо карабкаться, либо просто лезть. Он старался изо всех сил, но в конце концов вынужден был умолять Фэна найти более легкий путь. Культиватор слегка нахмурился, окинул взглядом запотевшее, измученное лицо Сэна и кивнул. После этого Фэн перестал идти прямо. Он стал делать больше крюков. Он всегда шел в том же общем направлении, но Сэн часто оглядывался и видел, как культиватор ловко вел их в обход чего-то, что Сэн никогда бы не смог преодолеть.

Сэн также стал замечать призрачную пантеру чаще. Это был хитрый зверь, который регулярно исчезал на часы. Тем не менее, время от времени он замечал движение краем глаза. Несмотря на эти долгие отсутствия, казалось, у зверя было чутье на то, когда Сэн проголодается. Незаменимо он появлялся во время еды. Он просто зависал рядом с Сэном, глядя на любую еду в его руке. К тому времени, когда они остановились на обед на горе, кот стал класть свою огромную голову Сэну на ноги и умоляюще смотреть на него. Хотя неопределенная тревога по поводу зверя все еще таилась в глубине его сознания, Сэн был довольно уверен, что тот больше не собирается нападать на него. Он вздыхал, а затем отдавал часть своей еды коту. Не то чтобы Фэн скупился на порции. Казалось, у мужчины было лишь смутное представление о том, сколько люди на самом деле едят.

Даже Сэн, после лет полуголодания, был немного ошарашен горами еды, которые Фэн небрежно вручал ему на каждом привале. Несмотря на изнурительный темп, Сэн чувствовал себя лучше, чем когда-либо прежде. Каждое утро он чувствовал себя сильнее, и, казалось, с каждым днем ему немного легче угнаться за культиватором. Если Фэн и заметил перемены, то ничего не сказал.

Сэн подбрасывал маленькие кусочки сливы коту, который, казалось, получал огромное удовольствие, ловя кусочки фрукта в воздухе, когда Фэн заговорил:

— Думаю, мы остановимся здесь на сегодня.

Сэн посмотрел на небо. До заката было еще несколько часов. Он взглянул на Фэна. Тот поглаживал подбородок и, казалось, погрузился в раздумья. Сэн пожал плечами. Если его мастер хотел прервать сегодня изнурительный переход раньше обычного, Сэн не собирался жаловаться. Удар по руке едва не опрокинул Сэна с поваленного бревна, на котором он сидел. Он озирался по сторонам, пока не понял, что это кот толкнул его лапой. На секунду он разозлился. Затем вновь одернул себя. Если бы зверь хотел причинить ему вред, он бы использовал когти. Вместо этого кот смотрел на него с ожиданием в глазах. Лишь когда Сэн вспомнил, что в руке у него все еще остаток сливы, до него дошло.

— Я тебя балую, — проворчал он коту.

Тем не менее, он возобновил их игру. Кот прыгал и скакал, ни разу не промахнувшись мимо кусочка фрукта, пока в руке Сэна не осталась одна косточка. Он показал ее коту, который

сразу потерял интерес и растянулся на земле. По-прежнему требовались усилия, чтобы разглядеть зверя, когда тот укладывался куда-то отдыхать. Кот фыркнул и заснул. Сэн еще немного посмотрел на косточку, прежде чем бросить ее в лес. Кто знает? Может, из нее вырастет дерево. Сэн мечтательно представил, как через несколько лет возвращается в это место и находит сливовое дерево, усыпанное плодами. Он все еще фантазировал о сливах, когда мастер сунул ему в руки одеяло и воду. Сэн вынырнул из своих блуждающих мыслей и посмотрел вверх. Фэн протягивал ему пилюлю. Сэн взял пилюлю, но не знал, что с ней делать. По запаху она напоминала лекарство.

— Тебе следует принять ее, — сказал Фэн.

— Что это? Я не чувствую себя больным.

— Она просто помогает очистить тело от нечистот. Думаю, ты накопил их за годы немало.

Сэн вспомнил кое-что из того, что ему доводилось есть, и кивнул. Он собрался положить пилюлю в рот, но Фэн остановил его.

— Мастер?

— Тебе, наверное, сначала стоит снять эти одежды. Ложись на это, — сказал Фэн, указывая Сэну на старое поношенное одеяло. — А потом прими пилюлю.

Сэн пожал плечами и сделал, как велено. Он снял робу, растянулся на одеяле и запил пилюлю большим глотком воды.

— Что теперь? — спросил Сэн.

Фэн немного подумал над вопросом.

— Может быть немного неприятно. Не сопротивляйся этому.

Сэн тревожно сел.

— Насколько неприятно?

Прежде чем культиватор успел ответить, внутренности Сэна вспыхнули огнем. По крайней мере, так это чувствовалось. Огонь ревел у него в животе, но вскоре охватил весь торс. Он упал обратно на одеяло, стиснув зубы и кулаки. Первоначальный взрыв боли вскоре превратился в разные виды мучений внутри Сэна. Огонь в середине тела на самом деле не был в желудке. Он был ближе к пупку, словно пульсирующая звезда страданий, ритм которой Сэн не понимал. Как бы плохо это ни было, еще хуже были обжигающие линии, прокладывающие себе путь по

всему телу.

Эти линии горели, поднимаясь в грудь, опускаясь в ноги, уходя в руки и, наконец, в голову. Сэн не был уверен, кричал ли он или только думал, что должен кричать, но был убежден, что огонь оставит после себя лишь обугленные дыры на месте глаз и обгорелый кусок мяса вместо мозга. Казалось, энергия в этих пылающих каналах двигалась, путешествуя к конечностям, а затем возвращаясь к той звезде в середине, чтобы обновить свою силу и проделать все снова. И на этом все не заканчивалось.

Примерно тогда, когда он понял, что не сгорит изнутри, жар переместился из этих огненных линий в органы и мышцы. Ослабление жара было мимолетным, эфемерным облегчением. Жар тут же превратился в давление. Казалось, его мышцы разорвут сами себя в клочья под этим давлением. Легкие больше не могли найти воздух. Сердце билось так быстро, что Сэн знал – оно лопнет. По какой-то причине культиватор привел его сюда, чтобы убить. Он не знал, зачем мужчина выбрал такой мучительный способ. Мог бы просто заколоть или сломать шею. Эти страдания казались совершенно ненужными. К сожалению, как думал Сэн, он не умер. Он просто завис в состоянии такой полной физической агонии, что рациональные мысли перестали формироваться.

Он больше не был Сэном. Но он не был никем. Он просто парил в пустоте, потерянный для всех и всего. Он осознавал боль, страдания, но как бы со стороны. Это было слишком, невыносимо, поэтому он отступил от этого. И в то же время он абстрактно понимал, что не умрет от происходящего. Это закончится, но пока он просто останется там, где находится, и будет парить, как призрак.

<http://tl.rulate.ru/book/94454/3176370>